

УДК 282

Гречишникова Нина Петровна

к-т филос. наук, доцент Калужской духовной семинарии

e-mail: nina-grech@yandex.ru

Grechishnikova Nina Petrovna

Philosophy D., associate Professor of the Kaluga Theological
Seminary

e-mail: nina-grech@yandex.ru

Турченков Андрей Александрович

магистрант 1-го курса заочного отделения

Славяно-греко-латинской академии

e-mail: aturchenkov@yandex.ru

Turchenkov Andrey Alexandrovich

1st year Master's student of the correspondence department Slavic-
Greek-Latin Academy

e-mail: aturchenkov@yandex.ru

**КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТРУДОВ ФОМЫ
АКВИНСКОГО В СВЕТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ
СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

**A CRITICAL UNDERSTANDING OF THE WORKS OF
THOMAS AQUINAS IN THE LIGHT OF THE ORTHODOX
PATRISTIC TRADITION**

Аннотация. Авторы статьи стремятся критически осмыслить труды Фомы Аквинского с точки зрения православной святоотеческой традиции. Они подчеркивают различия между западной схоластической традицией, представленной томизмом, и восточной аскетической традицией, основанной на опыте очищения сердца и соединения с Богом. Авторы

отмечают, что учение Фомы Аквинского, хотя и признано в католической церкви, не всегда соответствует православным взглядам и вызывает споры среди православных богословов. Статья также рассматривает исторические и философские причины, по которым томизм был принят в латинской церкви, и подчеркивает трудности в диалоге между католицизмом и Православием.

Abstract. The authors of the article seek to critically comprehend the works of Thomas Aquinas from the point of view of the Orthodox patristic tradition. They emphasize the differences between the Western scholastic tradition represented by Thomism and the Eastern ascetic tradition based on the experience of cleansing the heart and connecting with God. The authors note that the teaching of Thomas Aquinas, although recognized in the Catholic Church, does not always correspond to Orthodox views and causes controversy among Orthodox theologians. The article also examines the historical and philosophical reasons why Thomism was adopted in the Latin Church, and highlights the difficulties in the dialogue between Catholicism and Orthodoxy.

Ключевые слова: католичество, «томизм», философско-богословская традиция, философско-теологический дискурс, Запад, Православная Церковь.

Key words: Catholicism, «Thomism», philosophical and theological tradition, philosophical and theological discourse, the West, the Orthodox Church.

Важность рассмотрения заявленной темы обусловлена необходимостью выяснения причин и условий, по которым был внедрено в латинскую церковь учение «томизма», основанное на взглядах Аристотеля.

Кроме того, труды и философия Фомы Аквинского всегда были мало знакомы российской культуре. Его статус учителя католической веры явился препятствием к изучению его произведений православными исследователями. В нашей

стране встречаются единичные авторы, проявившие интерес к его трудам. В последнее время это были переводчик Наталья Леонидовна Трауберг (1928–2009) и ученый Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004).

Томизм как часть историко-философского наследия человечества

Мы же будем исходить из того, что между нравственными воззрениями античного философа и Фомы Аквината (1225–1274) существует тесная генетическая связь. Нравоучительная система Фомы Аквината по содержанию своему полнее аристотелевской этики. Нравственные воззрения Аквината по своей внутренней, логической основе стоят гораздо выше нравственных взглядов Аристотеля. Свобода человеческой воли является бесспорным основанием в учении их обоих, и человек признается виновником добродетельных и порочных поступков. Однако Аристотель не знал о грехопадении прародителей и о том, что воля человека без сторонней помощи направлена ко злу. Он полагал, что человек рождается на свет без дурных наклонностей. В этом главное отличие учения античного философа от Христова Евангелия. Также Аристотель не интересовался загробной участью, ибо этот аспект для эллинов не имел никакого смысла [1, с. 55].

Фома Аквинский выступил против онтологического доказательства бытия Бога, выдвинутого на базе аристотелизма архиепископом Ансельмом Кентерберийским (1033–1109), который видел в идее существования Бога величайшую идею, доступную человеческому уму. Такая идея нужна, иначе будет необходимость еще более великой идеи. Вывод — Бог существует. Аквинат возражает этому доказательству на том основании, что человек не имеет точного знания об атрибутах Бога. Поэтому мы не можем доказать, есть ли среди этих атрибутов существование или нет. Творец имеет надмирное сверхсуществование и потому не вмещается в определения, к которым апеллирует человек [4, с. 28].

Спорить с Фомой было трудно. Со слов современников, Фому отличали феноменальная память, сильная воля и талант ученого исследователя [3, с. 367].

Тем не менее учение Фомы Аквинского с самого начала критиковалось богословами и философами. После его смерти довольно быстро умолкла критика этой системы, а примерно через полвека его учение становится фактически официальной доктриной католицизма [5, с. 102]. Сторонники блаженного Аврелия Августина сначала не приняли новое учение Фомы Аквинского. Надо отметить, что Августин также начинал с античной философии, изучал «Гортензия» Цицерона и затем десять лет провел в секте манихеев [2].

Некоторые тезисы учения Фомы были осуждены епископом Парижа Этьеном Тампье (1268–1279) и архиепископом Кентерберийским Робертом Килуордли (1215–1279) в 1277 году. Они усмотрели в его учении нарушение традиции и предостерегали от возможного вреда книги Фомы Аквинского «Сумма теологии», имеющей спорные суждения и иную богословскую базу по отношению к той, которая существовала до XIII века. «Томизм» содержал ряд положений, несогласных с Блаженным Августином и вытекающих из двух различных философских направлений — перипатетизма Аристотеля и платонизма.

Фоме Аквинскому активно возражали францисканцы Иоанн Пеккам (1240–1292), архиепископ Кентерберийский; Вильям из Ла-Маре (†1294), ученики епископа, кардинала, схоластического епископа и философа Джованни ди Фиданца Бонавентуры де Balneoregio (1221–1274). В Оксфорде, ставшем центром оппозиции «томизму», в 1284 году подвергли острой критике сто семнадцать тезисов Аквината. Латинские аверроисты не соглашались с Фомой, интерпретируя аристотелевское перипатетическое учение в материалистическом духе [6].

Несмотря на это, Папа Римский Григорий X (1210–1276) оценил возможность укрепления церкви с помощью

богословской науки и предоставил Аквинату возможность влиять на религиозное сознание, предложив ему должность профессора-преподавателя в Парижском университете. Важным его делом, предпринятым по поручению римской курии, стала переработка аристотелизма в христианско-католическом духе. Аквинат трудился в тесном сотрудничестве с доминиканским монахом Вильемом Мербеке (1215–1286), который перевел Аристотеля на латинский язык с оригинала [5, с. 339].

Основным заключением, которое повлияло на поглощение философии теологией, явился постулат Фомы Аквината о непротиворечии их друг другу. Он утверждал, что истины откровения и истины разума в равной мере ведут человека к истинам веры. В пребывающем в нас *lumen intellectuale* (умном свете) Фома видел некое подобие, причастное нетварному свету, заключающему в себе вечные сущности (*rationes*). Он считал, что настоящий ученый прав тогда, когда рассматривает вещи и явления в зависимости от Творца, так как в них содержится Его замысел. Он совершил эклектическое подчинение разрозненных философских понятий догматам христианско-католического вероучения [5, с. 338].

Аквинат написал более 60 произведений, и его самыми значительными трудами являются: «Сумма против язычников» (1257–1265). Образцом схоластического изложения теоретических проблем является «Сумма теологии» (1265–1274), этот труд не был закончен. Центром «томизма» являлся сначала Париж, а затем стал Кельн [7].

Влияние учения Аквината с годами неуклонно расширялось. На соборе в Констанце (1414–1418) латинская церковь использовала «томизм» в борьбе против взглядов Яна Гуса. На Тридентском соборе (1545–1563) труды Фомы лежали рядом с Библией и были источником аргументации в борьбе с Реформацией. На их основе были подвергнуты осуждению многие тезисы протестантской теологии. Фома отождествляет мудрость Божественную и человеческую и одинаково говорит

о возможностях премирной и мирской мудрости в познании Бога [8, с. 242].

В 1567 году Папа Пий V провозглашает Фому Аквинского пятым доктором церкви. Начиная с Иоанна XXII (1244–1334) и до Бенедикта XV (1914–1922) латинская церковь неоднократно объявляла и напоминала, что «томизм» и «неотомизм» является их официальным учением. В укреплении традиций особую роль сыграл орден доминиканцев, который в 1278–1313 гг. ввел учение Фомы в генеральные капитулы, одновременно присвоив ему звание «*doctor ordinis*». Орден иезуитов во главе с Игнатием Лойолой (1491–1556) с XVI века также объявил «томизм» своим учением и эффективно применял его не только в педагогической деятельности, но и в миссионерской практике.

Ключевые темы — познание Бога и соединение с Богом — по-разному разрабатывались в западной традиции и в восточном святоотеческом учении, сформированном опытным путем. Фома Аквинский использует аристотелевскую систему доказательств, но не принимает его мнения о вечности материального мира и времени. Логические выводы в его трудах удерживают читателя в потоке последовательных умозаключений, более напоминая математические упражнения. Обнаруживается желание убедить оппонента через рассудок, ограничивая возможность контраргументации.

Одним из главных оппонентов Фомы Аквинского стал Иммануил Кант (1742–1804), который считал, что Бога невозможно постигнуть человеческим разумом и органами чувств, и критиковал его пять доказательств бытия Божия. Работа «Критика чистого разума» (1787) направлена против утверждения, что разум является инструментом познания Бога и мира. Кант считал, что разум отделен от реальности непреодолимой пропастью. Разуму доступны лишь явления и образы реального мира. Можно знать лишь образы реальности (феномен), но не сами предметы (ноумен). По мнению Канта, опыт не сможет раскрыть «вещь в себе» [7].

Бог является «Необходимым Бытием», а мы не можем познать высшей реальности, Бога, посредством чувств. У человека отсутствует иное знание, кроме чувственного, поэтому мы не имеем возможности доказать существование Бога, используя разум [11, с. 214].

Двигаясь к христианской точке зрения, Кант считает: то, что не может доказать чистый разум, должен подтвердить практический разум. То есть схоластика с логикой и разумом не могут добиться положительного знания, но если мы поступаем сообразно постулатам практического разума, предполагающего свободу воли, бессмертие души и существование Бога, другими словами, имея веру, возможно приобретение положительного знания о Боге. Также факт существования морального долга (императива) у людей рассматривается философом как неопровержимое подтверждение существования Бога. Долженствование определяет возможность существования Бога [11, с. 125].

По Канту, нет способа преодолеть раскол между миром духовных ценностей и научным знанием. С одной стороны механизм, с другой стороны свобода, и никогда эти понятия не придут к согласию [7].

Можно сказать, что немецкий мыслитель закрыл в западной философии многовековую тему поиска несовершенств в весьма стройной системе Фомы Аквинского.

Критическая интерпретация томизма в православной традиции

Начиная с XIV в. православные богословы, справедливо усматривая в томизме ту самую «латинскую прелесть», подвергали его методичной критике.

Современные исследователи философии Фомы Аквинского противопоставляют «томизм» и «паламизм», учение Григория Паламы (1296–1357), в вопросе «тварности» и «нетварности» благодати. Имеются разные предпосылки в трактовке «сущности» и «энергий», обусловленные терминологическими различиями и духовным видением.

Византийский переводчик Дмитрий Кидонис (1324–1397) в период между 1347 и 1354 гг. сделал перевод трудов Аквината «Сумма против язычников», «Сумма теологии» и показал его императору Иоанну Кантакузену, который посчитал текст важным и распорядился сделать копию. Многочисленные списки числом до 35 поделили православных в Византии на два лагеря — сторонников и противников «томизма» [5, с. 208].

Против Фомы Аквинского выступили византийские богословы: Варлаам Калабрийский (†1350), св. Нил Квасила (†1363), Матфей Ангел Панарет (XIV в.), Макарий Анкирский (XIV в.), Каллист Ангеликуд (XIV в.) «Против Фомы А.», Иосиф Вриенний (†1431), Дмитрий Хрисолор (XV в.), св. Марк Эфесский (†1444). Также Патриарх Схоларий (1400–1473) — яростный противник унии с латинством — переводил труды и полемизировал с его учением [9].

Особенно неприемлемы были идеи Фомы для Каллиста Ангеликуда и Марка Эфесского (1392–1444). Каллист Ангеликуд, являясь представителем деятельного исихазма, прямо обличал его как еретика и в резких выражениях требовал различать мудрость человеческую и премудрость Божию. Он призывал на помощь труды Григория Нисского, который советовал больше очищать себя для Бога, а не многословить о Нем. Нельзя неспособным и не очистившимся, а также тем, кто из всех сил бежит прочь от любви Божией и не удостоился еще причастия Божественной благодати, быть невоздержанными в изложении Божественных догматов. Нужно передавать только то исповедание, которое дано учителями Церкви, не искажая их своим умом. Также Каллист Ангеликуд возражает латинскому учению о чистилище («purgatorium»), чуждому православному пониманию и не имеющему оснований в Священном Писании [9], взятому из языческих учений и ислама. Учение о чистилище, разработанное Аквинатом, признано догматом на Флорентийском соборе в 1439 году. Однако в своих рассуждениях о «непорочном зачатии» Девы Марии и «безусловном примате Папы» Фома занимал очевидную православную позицию.

Святитель Василий Великий делает упрек человеческому мудрствованию и призывает исправить действия телесные, чтобы совершались согласно со словом Божиим, а потом уже восходить к созерцанию умопостигаемого. Сторонники же схоластики не использовали аскетику как средство очищения от страстей.

Фома отождествляет мудрость Божественную и человеческую и одинаково говорит о возможностях премирной и мирской мудрости в познании Бога [10, с. 111]. Фома ошибочно предполагал возможность получения знания от Бога естественным путем правильного рассуждения. Также Аристотель и Фома предполагали существование высокой нравственности и возможности получить через совершенствование в ней некоторой степени Божественного блаженства.

Сторонниками «томизма» среди православных были: Дмитрий Кидонис (†1398), Прохор Кидонис (†1368), Мануил Калека (†1410), Андрей Хрисоверг (†1451), Максим Хрисоверг (XV в.), Виссарион (†1472) [9].

Разница святоотеческой традиции и богословия Аквината в вопросе соотношения благодати и добродетели просматривается на примере сопоставления термина «обожение», по святому Григорию Паламе как учению о «синергии», точно раскрывающем смысл взаимоотношения Бога и человека. Латинский философ употребил иную формулировку: «двойная причинность», согласно которой человеческое действие атрибутировано как Богу, так и человеку, привнося необоснованный юридический смысл [10, с. 371]. Ущербность таких формулировок самоочевидна в сравнении со святоотеческими текстами и обусловлена отсутствием опыта деятельного подвижничества.

Отцы Восточной Церкви не умозрительно писали о действии благодати, а сами являлись ее обладателями и опытными участниками божественного делания. Очищая сердце и ум, они принимали Божественную энергию и потом

описывали ее действие, вдохновляя других соискателей к аскетическим подвигам, показывая плоды богообщения, являя доказательный пример для подражания. Очевидно, что имеется разное представление у византийской и латинской традиции в вопросе о блаженном видении, или «созерцании».

Таким образом, с позиции православной святоотеческой традиции труды Фомы Аквинского имеют заметное отличие в понимании христианского учения. Критика его философии обусловлена доминированием античной логики и метафизики, не знавшей Бога, которая использовалась для обоснования и утверждения латинства. Желание преодолеть противоречия и любыми средствами утвердить свое вероисповедание как единственно правильное привело к появлению жесткого принципа, запрещающего уклонение от официальной доктрины и приведшего к искажению истины.

По взгляду святых отцов, схоластическая философия, основанная на мнении об определенной роли веры и разума в познании Божественных истин, не может быть признана удовлетворительной во внутреннем делании. Последующее духовное обнищание католической церкви привело к Реформации в начале XVI века на Западе, подтвердив неблагополучие в духовной жизни Западной церкви. Единственное, что дают философы-схоласты, это умение ставить вопросы, разделять и раскладывать все по полочкам, что являлось основным методом философии средневековой Европы. Умение мыслить и рассуждать, скрупулезно тонко анализировать также безусловно полезно для думающего человека.

Несмотря на разработанные научно-логические обоснования и рациональные утверждения Западной церкви, Восточная мистическая традиция, основанная на сердечном делании, показала полноту жизни и явила положительные примеры духовного преуспевания. Античная философия в лице Аристотеля не смогла преодолеть внутренних противоречий и потерпела поражение, не ответив на основной вопрос —

что́ есть человек? Совмещение учения христианской Церкви с логикой Аристотеля не смогло удовлетворить верующего человека, ищущего спасения. Логика и аналитика являются инструментом философии и отчасти познания мира, но обладают ограниченностью в рассуждении о Божественном.

Надо иметь в виду то обстоятельство, что Папа Лев XIII, Папа Пий X, Папа Пий XII настойчиво ставили на первое место необходимость изучения и развития учения Фомы Аквинского, которое упорно распространялось в университетах вопреки сопротивлению профессорско-преподавательского состава [6]. Затем верные Папе неутомимые иезуиты умело переформатировали сознание людей, отвергая уникальность святоотеческой традиции.

Таким образом, Фома Аквинский своими трудами завершил построение искусственной стены между латинством и Византией, что дало возможность возникновению в XV веке чуждой христианскому духу инквизиции и ордена иезуитов — необходимых католической церкви инструментов для поддержания внутренней монолитности и борьбы с ересями. В дальнейшем, с 1529 года, был введен «индекс запрещенных книг», который предполагал воспрещение и изъятие книг, несогласных с новым учением и противоречащих мнению Папы.

Подобно римской военной когорте прокатилась беспощадная латинская экспансия по странам Европы, сокрушая на своем пути народы, особенно славянские, не желавшие жить по учению, созданному Фомой Аквинским в союзе с аристотелевой философией. Восточная мистическая традиция, наоборот, доказала свою чистоту и правильность, создавая высокий духовный пример. Латинская церковь в достижении своих целей действовала натиском и обманом, принуждая к унии как к способу преодоления сопротивления.

Аквинат высказался по всем догматическим вопросам, отстаивая собственные суждения. Его труды были полностью ассимилированы римской церковью, что дает основание

поставить его имя в ряд крупнейших теологов, внесших вклад в развитие Западного религиозного сознания, но, к сожалению, потерявших связь с живительной Восточной святоотеческой традицией.

Принято считать, что Фома Аквинат строго следует философии Аристотеля, используя его метафизику. Различие между духом евангельского учения и нравоучением Фомы сводится к неодинаковому решению вопроса об отношении Божественной благодати к свободе человека. Соотношение духа евангельского нравоучения к духу нравоучения Аристотеля есть отношение между собою двух исключających друг друга противоположностей. И все же знакомство с ранней христианской литературой не оставило Фому равнодушным к полету свободного духа ранних христианских апологетов и привнесло в его взгляды широту и глубину. Он овладел античными приемами философской системы и соединил их с христианством [1, с. 45].

Источником его интереса были также идеи платонизма. Он отточил логику доказательств и добился прекрасных результатов в опровержении ересей. Ему было трудно противоречить, так как человеческий ум не может не отвечать на безупречную логику цепи аргументов, построенную в результате систематических занятий. Критиковать Фому Аквината нелегко, и среди православных отцов было мало таких, кто решился на диспут с его доказательной базой. Он, очевидно, не боролся с Восточной Церковью, а создал свою философско-богословскую школу. Кропотливым творческим трудом он постигал взгляды христианских богословов, пропуская их через логические формы аристотелевой этики.

Основной, исходный пункт нравоучительной системы Фомы есть «высочайшее благо», которое состоит в познании и созерцании Бога или «посредственном» (блаженство человека «несовершенное»), или «непосредственном» (блаженство человека «совершенное») [10, с. 305].

Подобным образом понимается этот постулат святыми

отцами и учителями Церкви, например: Климентом Александрийским, Лактанцием, св. Григорием Великим, Блаженным Августином [3]. Конечное благо, которым мы могли бы быть истинно блаженными, есть святое общение с Богом. Из желания быть в этом общении христианами и предпринимаются все подвиги и труды, и только то дело является истинною жертвою, которое совершается из этого желания. При этом богообщении, составляющему конечную цель и высшее благо для христианина, чужда корысть, благо богообщения состоит в святости, а не в услаждении [3, с. 123].

Блаженный Августин утверждает, что форма всякой красоты есть единство. Аквинат продолжает учение о красоте, значительно повлиявшее на культуру Западного средневековья. Он определяет прекрасное как нечто завершенное и целостное, обладающее числовой гармонией, чувственным восприятием и блеском, пропорциональностью и ясностью. Основанием всякой пропорции он считает Божественную мудрость, которая и весь мир сделала пропорциональным и гармоничным. Бог именуется прекрасным как причина мировой гармонии и ясности. По своей природе прекрасное соотносится с познанием, радуя нас одним своим видом. Среди чувств имеют особенное отношение к красоте те, в которых больше проявляется познавательная способность. Таковы зрение и слух, предназначенные для того, чтобы служить разуму; так мы говорим о прекрасном цвете, о прекрасном голосе [2]. Этим выводам трудно противоречить, и потому тяготение к гармонии в архитектуре, в живописи и музыке в средневековье стало основным явлением в Западном церковном искусстве.

У Фомы звучит мощный и убежденный голос о том, что храмы, иконы и весь культ могут являться предметом именно эстетики, предметом самодовлеющего и вполне бескорыстного любования, предметом материально-пластической структуры и чистой формы. Стало возможным не только благоговеть перед иконой, но и получать удовольствие от созерцания ее

формальной и пластической целесообразности. Эстетика возобладавала, подменив собой духовность, основанную на трезвении ума и аскетике.

Фома повторяет за Аристотелем, что поскольку зрение благороднее слуха, прекрасным называется то, что приятно для зрения. Исключительность зрения состоит в том, что оно, воспринимая красоту, дает пробудиться любви к ней как в вещественном, так и в интеллектуальном смысле. Телесное зрение есть начало чувственной любви, а созерцание духовной красоты есть начало духовной любви. Также Фома говорит о красоте человеческого тела, в котором все организовано согласно закону о пропорциях, и о духовной красоте, где поведение человека соразмерено с духовной ясностью разума. К самой сущности красоты относится ее пластическая соразмерность как результат ясности разума [2]. Так идеи гуманизма возвращались к античности и рассматривались как вершина достижений человечества. Фома искал согласие между верой и разумом, интеллектом и волей, мистическим и рациональным, красотой и духовными категориями.

Теория Фомы сводится к тому, что в то время, как благо является предметом и целью постоянных человеческих стремлений, красота является как бы достигнутой целью, когда успокаиваются человеческие стремления и желания и человек начинает чувствовать удовольствие при таком освобождении познающего и созерцательного интеллекта от всех стремлений и усилий воли. В отличие от блага, красота непосредственно связана с познанием, и притом с познанием, достигшим своего удовлетворения. Благом следует называть то, что просто удовлетворяет желание, а красота говорит там, где и самое восприятие предмета доставляет удовольствие [2].

Православная святоотеческая аскетическая традиция, предполагающая христианское подвижничество, по-иному трактует путь духовного делания. Христианский подвиг, или добродетель, есть живое сотрудничество и взаимное действие Бога и человека. Аскетика тесно связана с

догматическим богословием. Она основана на православном догматическом учении о спасении, закреплённом в Предании Церкви. Цель аскетики — преодоление падшего состояния, борьба со страстями, достижение духовно-нравственного совершенства, при котором пресекаются все возможные чувственные переживания и «удовлетворения» как проявления поврежденного разума и действия падших духов. Аскетизм имеет своей прямой и ближайшей целью приспособить естественные силы и способности человека к восприятию Божественной благодати.

В трудах Фомы различают две стороны: это философия и богословие. Философия его интересна, содержит немало красивых открытий. Поставленный на пьедестал учителя католической церкви, он перестал быть объектом интереса православной культуры. Цель его работы была сугубо прагматична и злободневна, потому понятна деловым людям. Роль научного знания возросла в век Аквината, и игнорирование его развития привело бы к углублению конфликта между религией и наукой, Церковью и обществом. Отсюда признание Фомой правомерности научно-философского знания. Такое признание ставило Аквината перед задачей построения доктрины, которая давала бы Римской Церкви возможность контроля научно-философского знания [5, с. 340].

Восточная Церковь имела своих светильников духовного делания и умела распознавать ереси, успешно преодолевая возникавшие угрозы, твердо придерживаясь неповрежденного учения Христова, переданного апостолами, охраняя Церковь от расколов. С точки зрения Православия Фома Аквинат не является авторитетом для Восточной богословской мысли и не дает пути к святости.

Опираясь на святоотеческую традицию, возможно критически исследовать учение «томизма» для понимания ошибочного пути, который ведет к нарушениям в духовной жизни человека, а значит приносит ощутимый вред, не принося плода. Можно сказать, что «томизм» — это оборонительные

действия в духовной войне, в отличие от наступательной тактики Восточных аскетических традиций.

Сохранилось предание о том, что Аквинат за два года до кончины после некоторого видения пришел к бесполезности писания книг и перестал писать совсем, а свои труды называл соломой [12, с. 203].

Есть в этом глубокий смысл и высшая справедливость, когда Богом дается возможность покаяния всякому человеку, идущему к истине.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С., Бибихин В. В.* Богословие, Духовность, Наука. «Институт Святого Фомы», 2006.

2. *Аквинский Ф.* Сумма теологии в 13 томах (*Summa theologiae*). Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис, 2002.

3. *Ангеликуд К.* Трактат о мудрости. «Против Фомы Аквинского». Копирайт перевода: монах Диодор (Ларионов), 2009.

4. *Бибихин В. В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.

5. *Боргош Ю.* Фома Аквинский. 2-е изд. Москва: Мысль, 1975.

6. *Бронзов А. А.* Аристотель и Фома Аквинский в отношении к их учению о нравственности. СПб: Тип. Ф. Елеонского и К, 1884.

7. *Кант Э.* Критика чистого разума. Москва: «Мысль», 1994.

8. *Лега В. П.* История западной философии: В 2 кн. Кн. I: Античность. Средневековье. Возрождение. изд. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2023.

9. *Лопухин А. П. проф.* Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. Т. В 12 томах. Петроград: Донская епархия — Ифика. — 1904, 1900–1911.

10. Мизи Т. Л., Хабермас Г. Р. Зачем верить? Бог есть! // Азбука Веры. 1998.

11. Рожков П. В. Очерки по истории римско-католической церкви. Москва: Курс лекций, прочитанный для студентов Московской духовной академии, 1998.

12. Соколов В. В. Средневековая философия: Учеб. Пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. Москва: Высшая школа, 1979.